

диссертация А.И. Молока «Революция 1830 года во Франции», «которую... без особого труда... поднял автомобиль», только выиграла бы от сокращения. В ней масса второстепенных фактов и легковесных заключений (с. 389–397). В отзыве на докторскую диссертацию О.Л. Вайнштейна «Историография средних веков», которая на самом деле представляла собой учебник, проводится мысль, что за учебники давать степень не следует (с. 397–404). Разбирая докторскую диссертацию А.В. Предтеченского «Политические настроения в России в начале XIX в. и их отражение в правительственной политике», Тарле посетовал, что ее автор опирается преимущественно на опубликованный материал, тогда как архивные источники позволили бы ему раскрыть поставленные, но оставшиеся в диссертации без ответа вопросы (с. 405). А вот отзыв на кандидатскую диссертацию А.Д. Люблинской «Гражданская смута во Франции после смерти Генриха IV» носит если не восторженный, то весьма хвалебный характер, из которого явствует, что диссертация писалась не для степени, а для науки, и видны «серьезность», «ответственность» и «добросовестность» диссертантки (с. 412–413).

В заключительной части книги опубликованы воспоминания известного писателя и переводчика Е.Л. Ланна «Евгений Викторович Тарле». Здесь Тарле выведен и молодым демонстрантом, и почтенным профессором, прекрасно читавшим лекции, и доверчивым, часто обманывавшимся чело-

веком, и «одержимо» работавшим и «литературно одаренным» автором, и поражающим окружающим объемом познаний эрудитом, у которого никогда не ослабевала страсть к новым знаниям.

### Библиография

*Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995.

*Каганович Б.С.* Несколько слов о так называемом позитивизме // Одиссей. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996. С. 166–167.

*Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014.

*Полевика Н.П.* Виденное и пережитое: (из воспоминаний). Иерусалим, 1990.

### References

*Kaganovich B.S.* Evgenij Viktorovich Tarle i peterburgskaya shkola istorikov [Evgeny Viktorovich Tarle and the St. Petersburg School of Historians]. Sankt-Peterburg, 1995. (In Russ.)

*Kaganovich B.S.* Neskol'ko slov o tak nazyvaemom pozitivizme [A few words about the so-called positivism] // Odissei. Chelovek v istorii. Remeslo istorika na iskhode XX veka [Odyssey. A Man in History. The Craft of a Historian at the end of the 20<sup>th</sup> century]. Moskva, 1996. S. 166–167. (In Russ.)

*Kaganovich B.S.* Evgenij Viktorovich Tarle. Istorik i vremena [Evgeny Viktorovich Tarle. Historian and time]. Sankt-Peterburg, 2014. (In Russ.)

*Poletika N.P.* Vidennoe i perezhitoe : (iz vospominanij) [Seen and experienced: (from memories)]. Ierusalim, 1990. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640020248-0

© 2022 г. Т.М. Фадеева

## НАСТУПЛЕНИЕ НА ДЕМОКРАТИЮ В МЕЖВОЕННЫЕ ГОДЫ

**Рец. на книгу: K. Weyland. ASSAULT ON DEMOCRACY. COMMUNISM, FASCISM AND AUTHORITARIANISM DURING THE INTERWAR YEARS. Cambridge (UK); New York: Cambridge University Press, 2021. XXV. 398 p.**

*Фадеева Татьяна Михайловна* – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: fadeewatajtana@yandex.ru

Scopus Author ID: 57417541300

T.M. Fadeeva

## ASSAULT ON DEMOCRACY IN THE INTERWAR YEARS

**Rec. ad op.: K. Weyland. ASSAULT ON DEMOCRACY. COMMUNISM, FASCISM AND AUTHORITARIANISM DURING THE INTERWAR YEARS. Cambridge (UK); New York: Cambridge University Press, 2021. XXV. 398 p.**

*Tatiana Fadeeva, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).*

*E-mail: fadeewat@yandex.ru*

*Scopus Author ID: 57417541300*

Активизация и электоральные достижения праворадикальных партий и движений в последние десятилетия являются транснациональным политическим феноменом, вызывающим озабоченность исследователей либерально-демократического направления. Отсюда проистекает интерес к межвоенному периоду 1920–1930-х годов, отмеченному наступлением фашизма и распространением авторитаризма, существенно потеснивших доселе успешно развивавшийся либерально-демократический тренд.

«Межвоенные 1920–1930 гг. стали временем крупнейшей в современной истории попытки обратить вспять процессы политической либерализации и демократизации», — считает Курт Вейланд, профессор гуманитарных наук Техасского университета г. Остин. Опираясь на сравнительно-исторический, политический, психологический подходы и на выдвинутый автором концепт «обратной волны» (она же *reversive, reactionary*. — *Т. Ф.*), он утверждает, что Российская революция 1917 г. и попытки подражания ей стимулировали крупные элитные группировки, которые в страхе перед наступлением коммунизма, с одной стороны, и сомневаясь в оборонительной способности либеральной демократии, с другой стороны, идейно поддержали правые силы и способствовали подъему фашизма в ряде стран. Однако фашистские движения с их экстремизмом и насилием по мере распространения встретили консервативный отпор, который нередко блокировал их приход к власти. Вейланд проводит различия между странами, показывая, как конфликты вели к установлению фашистских тоталитарных режимов в Германии и в Италии, и консервативных авторитарных режимов в Восточной и Южной Европе, а также в Латинской Америке.

Неустойчивость современной либеральной демократии толкает исследователей к изучению межвоенного периода, когда она подверглась большой опасности. Тогда авторитарная и фашистская волны поглотили не только более отсталый восток и юг Европы, но и центр, особенно Германию; несли беспрецедентную угрозу для «старых» западных демократий в таких странах, как Франция и Бельгия. Оценивая опасности, грозящие либеральным демократиям, многие исследователи обращались к урокам «автократической обратной волны» межвоенного периода. «Особенно тревожат случаи, когда автократическое правление не навязано в ходе переворота, но когда демократия подрывается и разрушается правительствами, которые пришли к власти законным путем на основе свободных и честных выборов» (с. 3). Ярким примером является приход к власти Гитлера. Скорость, с которой это удалось нацистскому лидеру, свидетельствует

о внутренней хрупкости либеральной демократии, готовой предоставить свободу маневра даже своим заклятым врагам. Демократия может оказаться беззащитной, когда растущая часть электората согласна поддержать антидемократические силы. Учитывая «озабоченность потенциалом демократии к саморазрушению», подчеркивает Вейланд, «важно вновь пересмотреть автократическую волну межвоенных лет, единственный в своем роде пример обращения вспять тренда либерально-демократического прогресса». Главный вопрос рецензируемой книги — что вызвало этот неожиданный поворот в исторической тенденции. XIX в. продемонстрировал, казалось бы, тренд неудержимого продвижения политического либерализма и демократии в Европе, особенно в северо-западной части континента. Однако уже в 1920-е годы многие из новых демократий, возникших на руинах распавшихся империй, впадают в авторитаризм и фашизм. Кроме того, распространяются типы диктатуры более жесткие, чем ранние формы автократического правления: тоталитаризм в большевистской версии в России и в фашистской версии в Италии и Германии.

Обращаясь к причинам такой драматической, беспрецедентной смены тренда, Вейланд бегло перечисляет ряд проблем и вызовов межвоенного периода, уже рассмотренных в исторических исследованиях (этнические трения в странах, возникших на руинах империй; гиперинфляция, великая депрессия; слабость институтов и др.). Но общей и основной причиной авторитарно-фашистского поворота, настаивает автор, был призрак коммунизма, ярким проявлением которого стала большевистская революция 1917 г. Большевистский прецедент произвел глубокое впечатление на политиков всех слоев. Если левым он внушил надежду на подобный переворот, то породил глубокий страх у сторонников статус-кво, от твердых правых до умеренных левых, включая Социал-демократическую партию Германии. Для этих кругов коммунистическая революция сулила огромные потери, в том числе экономическую катастрофу и тоталитарный гнет. «Решимость избежать радикальной революции мотивировала обширную часть населения во главе с элитой на борьбу со сторонниками Ленина всеми средствами, включая насилие. Так, первоначальная волна сторонников революции спровоцировала волну контрреволюции» (с. 7). Угроза коммунизма и мировой революции стали базовым импульсом для «обратной волны» 1920–1930-х годов, прибегавшей к насильственным способам борьбы, вплоть до установления антикоммунистических диктатур.

Однако реакция на «призрак большевизма» в разных странах была неоднородной. Автор подчеркивает особую роль фашизма в Италии:

«Фактически этот новый тип режима появился как единственное противоядие марксистскому социализму» (с. 122–123). В Италии консервативные элиты поддержали массовую общественную кампанию насильственных нападения на левых, что позволило лидеру нового военизированного движения претендовать на власть и установить «мобилизационный и все более тоталитарный режим»<sup>1</sup>, в действительности новую модель фашистской диктатуры. Социалистическая партия (Partito Socialista Italiano) отличалась особым радикализмом, а поощряемая ею кампания по захвату предприятий воспринималась как прямой вызов собственникам, что заставило бизнес и консервативных политиков дрожать от страха. С аналогичными серьезными угрозами столкнулись и аграрные элиты: крестьяне и безземельные рабочие начали захватывать землю, возникшие в результате широко распространенные конфликты напоминали сельскую партизанскую войну. Кроме того, муниципальные выборы в конце 1920-х годов дали социалистической партии, которая разжигала это противостояние, контроль над многими городами и деревнями в сельских конфликтных зонах. В то же время оборонительные возможности истеблишмента выглядели чрезвычайно слабыми: «либеральные и консервативные партии напоминали клубы нотаблей и получали поддержку благодаря клиентелизму и коррупции» (с. 125). На этом фоне наиболее динамичной силой, боровшейся с радикальной угрозой, исходящей от левых, были отряды самообороны и военизированные группировки, подавлявшие экстремистские забастовки и захваты собственности грубой силой. Эти группы (*fasci di combattimento*) возглавлял Бенито Муссолини, бывший лидер социалистов, которого всплеск национализма военного времени превратил в правого, обещающего победить «большевизм» (с. 126). «Подстрекаемые неэффективной полицией и военными и финансируемые кругами деловых людей и землевладельцев, фашисты утопили левых с их революционными иллюзиями в оргии насилия», — пишет Вейланд, ссылаясь на ряд авторов и приводя хвастливые слова Муссолини: «Подавить забастовку правительство было бессильно, но на смену правительству пришла новая сила!»<sup>2</sup>.

Левые радикалы недооценили это наступление правых военизированных формирований и не сумели дать им эффективного отпора, сокрушается

<sup>1</sup> В то время как итальянский фашизм обычно описывали как сравнительно мягкий, недавние исследования подчеркнули его тоталитарный характер и систематическое использование им насилия (*Gentile E. War in Peace: Paramilitary Violence in Europe after the Great War / eds R. Gerwarth, J. Horne. Oxford, 2012. P. 88–89; Hagenloh P. Discipline, Terror, and the State // Oxford Handbook of European History 1914–1945 / ed. N. Doumanis. Oxford, 2016. P. 353–355*).

<sup>2</sup> *Mussolini B. My Rise and Fall. New York, 1998. 117–122, 124–128, 134, 163, 167, 168.*

Вейланд, хотя тут же приводит явные и неявные свидетельства поддержки «сверху» движения чернорубашечников (их численность от 21 000 в конце 1920-х достигла примерно 320 000 в мае 1922 г.). Вскоре эти вооруженные реакционеры терроризировали не только левые, но и либерально-демократические силы Италии. Поскольку полиция и военные отказались их обуздать и фактически оказывали подпольную поддержку, фашистские группировки взяли под эффективный контроль целые города и регионы, подрывая авторитет выборных должностных лиц, фактически заменяя государственные органы Италии. Не видя перспективы создания эффективной антифашистской коалиции, общественно-политические элиты, в том числе видный государственный деятель Джованни Джолитти, полагали, что единственный шанс на восстановление нормальной жизни заключается в том, чтобы угодить лидеру чернорубашечников. Их расчеты строились на том, что Муссолини, сдерживаемый союзом с консервативными политиками и окруженный военными, королем и церковью, будет иметь ограниченную свободу действий, станет менее агрессивным, демобилизует своих сторонников, и его станет легче контролировать. Поэтому элиты решили не препятствовать «походу на Рим» Муссолини, задуманному им как орудие «психологической войны» (с. 124–126), однако их расчеты не оправдались. Хотя в первой администрации Муссолини принимали участие представители консервативных партий и истеблишмента, вскоре стало ясно, что лидер фашистов не намерен успокаиваться: свои паравоенные образования он превратил в милицию и продолжал силой подавлять оппозицию, постепенно разрушая демократию изнутри.

На основе опыта Муссолини Вейланд выделяет характерные черты фашизма и авторитаризма, к которым будет возвращаться неоднократно. «Фашизм, — пишет он, — дал миру новый тип режима — реакционную автократию динамичного мобилизационного характера, которая держала общество и политику “мертвой хваткой”. Эта модель правого тоталитаризма сильно отличается от авторитарного правления, где диктатор или небольшой круг элиты монополизируют политику, демонополизируют и деполитизируют гражданство. Если авторитарные правители отстраняют народ от политики, то фашисты, как типичные тоталитарные лидеры, принуждают население к участию в политике, способствуя осуществлению целей лидера» (с. 127).

В отличие от Италии, в более индустриальной и политически развитой стране как Германия традиционные элиты были относительно слабы, и фашистские движения там располагали гораздо большими возможностями. Поэтому только Германия последовала по стопам Муссолини и учредила полномасштабный фашистский режим, но на свой лад. Напротив, в менее развитых странах Юго-Восточной Европы и в Латинской Америке традиционные элиты сохраняли гораздо большее влияние,

в частности, благодаря контролю над сельской клиентелой. Но фашизм также вызывал недовольство и озлобленность среди правоконсервативных кругов, особенно элит. Его харизматическое лидерство, силовые приемы и тоталитарные амбиции угрожали перевернуть социополитическую иерархию. Отсюда двойственное отношение к нему изблещмента: используя крайне правые движения против левых противников, он в то же время стремился удерживать его под контролем, обеспечивая собственное господство в рамках авторитаризма.

Однако автократия распространялась постепенно на протяжении двух десятилетий до и после 1929 г. Находясь под сильным влиянием новой модели фашизма, нашедшей развитие в прецедентах с Муссолини и Гитлером, авторитарные правители часто импортировали некоторые фашистские инновации, такие как военизированные молодежные движения, однопартийный режим и пропагандистские агентства. Таким образом, элитарные консерваторы стремились позаимствовать идеологический пыл и мобилизационный динамизм у фашизма и создать поддержку снизу для своего доминирования. Подчеркивая эти попытки объединения, отдельные ученые постулировали появление гибридных режимов, сочетающих авторитаризм и фашизм. Однако автор оспаривает феномен «гибридизации». Эти заимствования были временными и устранялись, как только опасность миновала, утверждает он: «Авторитаризм и фашизм никогда реально не смешивались, целая пропасть отделяла этот режим нового типа от авторитарного правления, которое существовало задолго до фашизма и надолго пережило последний после его краха в 1945 г.» (с. 149).

Автор определяет фашизм как «правое крыло тоталитаризма». В пользу отнесения фашизма к разновидности тоталитаризма свидетельствуют и напряженные отношения фашистов со сторонниками авторитарного правления. Под это определение подходят диктатуры Муссолини и Гитлера, которые характеризовались сильным мобилизационным импульсом и высокой концентрацией власти. Подведение под общий ярлык, разумеется, не отрицает различий между двумя тираниями. В то время как итальянский фашизм стремился укреплять государство с помощью «запоздалого империализма», национал-социализм «в своем геноцидном расизме и стремлении к рабовладельческой системе в Восточной Европе» представлял собой гораздо более амбициозный и радикальный проект. Внутренне германский деспотизм был более жестким, более властным и, следовательно, более тоталитарным, чем итальянская автократия, которая сотрудничала с устоявшимися центрами власти, такими как король, военные и церковь, в то время как национал-социализм подчинил себе все остальные властные уровни. Но недавние исследования показывают, что режиму Муссолини также были присущи тоталитарные тенденции. Несмотря на их различия, обе

модели фашизма также совпадают в таких существенных чертах, как антикоммунизм, антилиберализм, антирационализм, «витализм» и, таким образом, соответствуют вышеприведенному определению фашизма как разновидности тоталитаризма, подчеркивая его институциональные отличия от авторитаризма (с. 32).

Собственно, правые силы располагаются между двумя полюсами — консерваторами и фашистами. Они рассматривают существующие структуры, особенно культурные традиции, семью, клиентельные сети и т.п., как надежные основы порядка, необходимые сохранять во времена кризисов путем укрепления авторитарного режима. Фашисты, напротив, считали, что порядок находится под серьезной угрозой или уже разрушен, и выступали за массовые тоталитарные выступления против враждебных сил ради полной трансформации политики.

Как было нетрудно заметить, Вейланд с его приверженностью к более четким формулировкам стремится дать таковому понятию политической реакции, которое, на его взгляд, часто используется, но не имеет четкого определения. Так, он видит отличие фашистов от консерваторов в том, что первых можно назвать радикальными реакционерами, а вторых — реакционерами умеренными. Радикальные реакционеры высвечивают внутреннюю уязвимость старого порядка, доказанную самим фактом его крушения, и стремятся к восстановлению прочного иерархического порядка, основанного на почитаемых традициях мифического прошлого (*status quo ante*), но на более прочной, современной основе, пытаясь укрепить их новыми современными приемами. Так, чем больше реакционеры сомневаются в прочности рухнувшей системы (*status quo*), тем активнее они избирают противоположное направление, одновременно оглядываясь назад в мифическую историю и глядя вперед, заимствуя элементы модерности. Следуя таким противоречивым курсом для достижения этой атавистической цели, Гитлер стремился воссоздать германского фермера и воинственное средневековое государство, одновременно продвигая передовую современную науку с ее индустриальной технологией уничтожения и инновационными реактивными самолетами (с. 105).

Что касается режима, умеренные реакционеры считали, что традиционное правление элит жизнеспособно, и поэтому исключали массы из участия, предпочитая иерархический авторитаризм. Напротив, радикальные реакционеры были убеждены в социополитической слабости традиционных элит и в необходимости основать политический порядок на массовом участии. Но поскольку радикальные правые были привержены неравенству и иерархии, они привлекли харизматических лидеров для контроля и подчинения масс, использовали плебисцитарное одобрение и принудительную мобилизацию для поддержания тоталитарного правления и превратили своих самых ярких последователей в ударные войска, которые должны уничтожить ее врагов и запугать старые элиты. «В некотором

смысле они способствовали революционной форме контрреволюции, — заключает Вейланд. — Придерживаясь этих различных стратегий, правые движения, размножившиеся в межвоенный период в ответ на призрак коммунизма, разделяли определенный набор реакционных ориентаций. Эти правые идеи и стремление повернуть политическое время вспять вдохновили и сформировали авторитарные и тоталитарные диктатуры, которые всеми силами старались предотвратить угрозу мировой революции. В 1920–1930-е годы наблюдалась самая большая волна таких реакционных режимов, которую когда-либо наблюдал мир» (с. 36).

Интерес исследователей к межвоенному периоду во многом продиктован современными опасениями — не грозит ли либеральной демократии что-либо подобное в наши дни? Не предупреждает ли о такой вероятности популистская волна, в недавние годы захлестнувшая весь мир, как показали выборы Д. Трампа, и усиление позиций правых партий и движений в Европе? Обеспокоенные наблюдатели подчеркивают, что выступления правых сил и современных популистов имеют черты сходства с демагогией Муссолини и Гитлера. Снова харизматичные лидеры ищут массовой поддержки, разжигая пламенный национализм и вражду в отношении религиозных, этнических и расовых меньшинств, ностальгию по ушедшему «золотому веку», настойчиво призывая к «закону и порядку». Говорят ли эти отголоски, что фашизм снова на подъеме? На первый взгляд, эта книга с ее акцентом на «обратную волну» реакции может показать еще одним поводом для беспокойства.

Действительно, правый популизм питает «реакционный импульс», признает автор, но, по его мнению, он «не несет угрозы возвращения фашизма в какой бы то ни было форме». Сегодняшним правым популистам недостает идеологии милитаристского типа, они гораздо менее амбициозны и не выдвигают существенных альтернатив либеральной демократии. Концептуальная точность требует учитывать эти различия и не применять термин «фашизм» к нынешним популистам, что было бы неверно (с. 330). Как показано в книге, «спусковым курком» для фашизма стал конкретный драматический вызов, исходивший от Российской революции 1917 г. Проекты радикальной контрреволюции Муссолини и Гитлера привлекли массовую поддержку, поскольку выглядели надежным щитом против угрозы коммунизма. В XXI в. такая угроза отсутствует, коммунизм практически исчез. Без драматической революции или другого столь же сильного вызова, считает автор, не будет

поддержки контрреволюции. Кризисные процессы в западных демократиях и даже правый популизм не могут непосредственно повести к реакционному экстремизму и едва ли приведут к распространению авторитаризма, особенно в западных странах. Современный мир стоит перед множеством проблем, от климатических изменений до социального неравенства и проблем культурной интеграции, но возвращение фашизма или распространение авторитаризма не значатся в их числе.

Этот вывод может показаться ряду современных западных исследователей чрезмерно оптимистичным. Поэтому в поддержку тезиса об уникальности ситуации, содействовавшей возникновению фашизма, Вейланд приводит еще один фактор, психологический. Для объяснения резкости столкновений «революционной» и «реакционной» волн автор обращается к понятию «когнитивной психологии», точнее «ограниченной рациональности» представлений обеих сторон, что усилило трагедию межвоенного периода. «Особая сила и пагубное влияние “обратной волны” 1920–1930-х годов заключались в том, что лежащие в их основе представления зачастую резко отклонялись от норм и принципов рационального принятия решений... Когнитивные отклонения от стандартной рациональности, таким образом, усугубили насилие и жестокость, столь характерные для межвоенных лет. Политика стала гораздо более кровавой, чем можно было бы ожидать от столкновения идеологических проектов и милитаристских представлений. Каждая сторона получала в избытке террора и жертв. Выводы когнитивной психологии имеют решающее значение для объяснения этого поразительного поворота верхов к правому радикализму, который при других подходах понять затруднительно. Асимметричное неприятие потерь власти и имущества также помогает объяснить решительную консервативную реакцию на растущие фашистские движения межвоенного периода» (с. 321–322). К сожалению, современная напряженная ситуация в мире не гарантирует человечеству возможности избежать угрозы «когнитивных отклонений от рационального принятия решений».

#### Библиография / References

- Gentile E.* War in Peace: Paramilitary Violence in Europe after the Great War / eds R. Gerwarth, J. Horne. Oxford, 2012.
- Hagenloh P.* Discipline, Terror, and the State // Oxford Handbook of European History 1914–1945 / ed. N. Doumanis. Oxford, 2016. P. 353–355.
- Mussolini B.* My Rise and Fall. New York, 1998.